

Тургенев Иван Сергеевич

ДЫМ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Дым / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 222 с.
ISBN 978-5-519-77929-6

ISBN 978-5-519-77929-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ виду многоразличныхъ нареканій, которымъ подверглась повѣсть «Дымъ» нѣкоторые пріятели автора совѣтовали ему снабдить отдѣльное ея изданіе предисловіемъ, въ которомъ онъ бы постарался разяснить возникшія недоразумѣнія. Но по зрѣломъ обсужденіи дѣла, авторъ не почелъ нужнымъ послѣдовать данному совѣту. Подобныя объясненія всегда сбиваются на оправданія — а оправдываться ему не въ чѣмъ, такъ какъ онъ виноватымъ себя не почитаетъ. При томъ никакіе доводы не убѣдятъ тѣхъ изъ его читателей, которые не захотятъ или не съумѣютъ признать мысль, положенную въ основаніе характеру Потугина, лица, по видимому, болѣе всѣхъ другихъ оскорбившаго патріотическое чувство публики; пускай же это лицо само говоритъ за себя. Авторъ ограничился тѣмъ, что придалъ ему нѣсколько новыхъ чертъ, еще опредѣлительнѣе высказывающихъ его значеніе, сущность и смыслъ.

Отвѣчать на обвиненія въ отступничествѣ, въ клеветѣ, въ недобросовѣстномъ незнаніи Россіи и т. п. — авторъ

конечно не станеть. Справедливо казалъ А. Де Виньи:
„Les lettres ont cela de fatal, que la position n'y est jamais
„conquise definitivement. Le nom est, à chaque oeuvre, remis
„en lotterie et tiré au sort pêle mèle avec les plus indignes.
„Chaque oeuvre nouvelle est presque comme un début. Aussi
„n'est-ce pas une carriere que celle des lettres“.

ДЫМЪ.

—

I.

10-го августа 1862 года, въ четыре часа пополудни, въ Бадень-Бадень, передъ извѣстною «Conversation» толпилось множество народа. Погода стояла прелестная; все кругомъ—зеленыя деревья, свѣтлые дома уютнаго города, волнистыя горы — все празднично, полною чашей раскинулось подъ лучами благосклоннаго солнца; все улыбалось какъ-то слѣпо, довѣрчиво и мило, и та же неопредѣленная, но хорошая улыбка бродила на человѣчьихъ лицахъ, старыхъ и молодыхъ, безобразныхъ и красивыхъ. Самыя даже насурмленные, набѣленные фигуры парижскихъ лоретокъ не нарушали общаго впечатлѣнiя яснаго довольства и ликованiя, а пестрыя ленты, перья, золотыя и стальные искры на шляпкахъ и вуаляхъ невольно напоминали взору оживленный блескъ и легкую игру весеннихъ цвѣтовъ и радужныхъ крылъ: одна лишь повсюду разсыпавшаяся, сухая,

гортанная трескотня французскаго жаргона не могла ни замѣнить птичьяго щебетанья, ни сравниться съ нимъ.

А впрочемъ все шло своимъ порядкомъ. Оркестръ въ павильонѣ игралъ то понури изъ *Траціаты*, то вальсъ Штраусса, то *Скажите ей*, російскій романсъ, положенный на инструменты услужливымъ капельмейстеромъ; въ игорныхъ залахъ, вокругъ зеленыхъ столовъ, тѣснились тѣ же всѣмъ знакомыя фигуры, съ тѣмъ же тупымъ и жаднымъ, не то изумленнымъ, не то озлобленнымъ, въ сущности хищнымъ выраженіемъ, которое придаетъ каждому, даже самымъ аристократическимъ чертамъ картежная лихорадка; тотъ же тучноватый и чрезвычайно щегольски одѣтый помѣщикъ изъ Тамбова, съ тою же непостижимою, судорожною поспѣшностью, выпуча глаза, ложась грудью на столъ и не обращающій вниманія на холодныя усмѣшки самихъ «крупіе», въ самое мгновеніе возгласа: «rien ne va plus!» разсыпалъ вспо- тѣвшею рукой по всѣмъ четвероугольникамъ рулетки золотыя кружки Луидоровъ, и тѣмъ самымъ лишалъ себя всякой возможности что-нибудь выиграть, даже въ случаѣ удачи; что нисколько не мѣшало ему, въ тотъ же вечеръ, съ сочувственнымъ негодованіемъ поддакивать князю Кокко, одному изъ извѣстныхъ, предводителей дворянской оппозиціи, тому князю Кокко, который въ Парижѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ присутствіи императора, такъ хорошо сказалъ: «Madame, le prince de la propriété est profondément ébranlé en Russie». Къ русскому дереву—à l'arbre russe—обычнымъ порядкомъ собирались наши любезные соотечественники и соотечественницы; подходили они пышно, небрежно, модно, привѣтствовали другъ друга величественно, изящно, развязно, какъ оно и слѣдуетъ существамъ находящимся на самой высшей вершинѣ современнаго образованія; но сойдясь и усѣвшись, рѣшительно не знали что сказать другъ

другу, и пробавлялись либо дрянненькимъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, либо затасканными, крайне на-хальными и крайне плоскими выходками давнымъ-давно выдохшагося французскаго эксъ-литератора, въ жидовскихъ башмаченкахъ на мизерныхъ ножкахъ и съ презрѣнною бородкой на паскудной мордочкѣ, шута и болтуна. Онъ имъ вралъ, à ses princes russes, всякую прѣсную дребедень изъ старыхъ альманаховъ *Шаривари* и *Тентамарра*, а они, ses princes russes, заливались благодарнымъ смѣхомъ, какъ бы невольно сознавая и подавляющее превосходство чужестраннаго умника и собственную окончательную неспособность придумать что-нибудь забавное. А между тѣмъ тутъ была почти вся «fine fleur» нашего общества, «вся знать и моды образцы». Тутъ былъ графъ Х., нашъ несравненный дилеттантъ, глубокая музыкальная натура, который такъ бо-жественно «сказываетъ» романсы, а въ сущности двухъ нотъ разобрать не можетъ, не тыкая вкось и вкривь указательнымъ пальцемъ по клавишамъ, и поетъ не то какъ плохой цыганъ, не то какъ парижскій коафферъ; тутъ былъ и нашъ восхитительный баронъ Z., этотъ мастеръ на всѣ руки: и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ, и шулеръ; тутъ былъ и князь У., другъ религіи и народа, составившій себя во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ; и блестящій генералъ О.О., который что-то поко-рилъ, кого-то усмирилъ, и вотъ однако не знаетъ куда дѣться и чѣмъ себя зарекомендовать; и Р.Р., забавный тол-стякъ, который считаетъ себя очень больнымъ и очень ум-нымъ человѣкомъ, а здоровъ какъ быкъ и глупъ какъ пень.... Тотъ же Р.Р. почти одинъ въ наше время еще сохранилъ пре-данія львовъ сороковыхъ годовъ, эпохи *Героя нашего времени* и графини Воротынской. Онъ сохранилъ и походку въ раскач-

ку на каблукахъ, и «le culte de la pose» (по-русски этого даже сказать нельзя), и неестественную медлительность движений, и сонную величественность выраженія на неподвижномъ, словно обиженномъ лицѣ, и привычку, зѣвая, перебивать чужую рѣчь, тщательно разсматривать собственные пальцы и ногти, смѣяться въ носъ, внезапно передвигать шляпу съ затылка на брови и т. д. и т. д. Тутъ были даже государственные люди, дипломаты, тузы съ европейскими именами, мужи совѣта и разума, воображающіе, что золотая булла издана папой и что англійскій «poor-tax» есть налогъ на бѣдныхъ; тутъ были наконецъ и рьяные, но застѣнчивые поклонники камелій, свѣтскіе молодые львы съ превосходнѣйшими проборами на затылкахъ, съ прекрасными висячими бакенбардами, одѣтые въ настоящіе лондонскіе костюмы, молодые львы, которымъ, казалось, ничего не мѣшало быть такими же пошляками, какъ и пресловутый французскій говорунъ;... но нѣтъ! не въ ходу знать у насъ родное, — и графиня Ш., извѣстная законодательница модъ и гранъ-жанра, прозванная злыми языками «Царицей Ось» и «Медузою въ чепцѣ», предпочитала, въ отсутствіи говоруна, обращаться къ тутъ же вертѣвшимся Италіанцамъ, Молдаванцамъ, американскимъ «спиритамъ», бойкимъ секретарямъ иностранныхъ посольствъ, Нѣмчикамъ съ женоподобною, но уже осторожною фizioноміей и т. п. Подражая примѣру графини, и княгиня Babette, та самая, у которой на рукахъ умеръ Шопенъ (въ Европѣ считаютъ около тысячи дамъ, на рукахъ которыхъ онъ испустилъ духъ), и княгиня Annette, которая всѣмъ бы взяла, еслибы по временамъ, внезапно, какъ запахъ капусты среди тончайшей амбры, не проскакивала въ ней простая деревенская прачка, и княгиня Rachele, съ которою случилось такое несчастіе: мужъ ея попалъ на видное мѣсто и вдругъ,

Dieu sait pourquoi, прибилъ градскаго голову и укралъ 20.000 р. с. казенныхъ денегъ, и смѣшная княжна Зизі и слезливая княжна Зозо, всѣ онѣ оставляли въ сторонѣ своихъ земляковъ, немилостиво обходились съ ними.... Оставимъ же и мы ихъ въ сторонѣ, этихъ прелестныхъ дамъ, и отойдемъ отъ знаменитаго дерева, около котораго онѣ сидятъ въ такихъ дорогихъ, но нѣсколько безвкусныхъ туалетахъ, и пошли имъ Господь облегченія отъ грызущей ихъ скуки!

II.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «русскаго» дерева, за маленькимъ столомъ передъ кофейной Вебера, сидѣлъ красивый мущина лѣтъ подъ тридцать, средняго роста, сухощавый и смуглый, съ мужественнымъ и пріятнымъ лицомъ. Нагнувшись впередъ и опираясь обѣими руками на палку, онъ сидѣлъ спокойно и просто, какъ человѣкъ, которому и въ голову не можетъ придти, чтобы кто-нибудь его замѣтилъ или занялся имъ. Его каріе съ желтизной, большіе, выразительные глаза медленно посматривали кругомъ, то слегка прищуриваясь отъ солнца, то вдругъ упорно провожая какую-нибудь мимо проходившую, эксцентрическую фигуру, причемъ быстрая, почти дѣтская усмѣшка чуть-чуть трогала его тонкіе усы, губы и выдающійся крутой подбородокъ. Одѣтъ онъ былъ въ просторное пальто нѣмецкаго покроя, и сѣрая мягкая шляпа закрывала до половины его высокій лобъ. На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе честнаго и дѣльнаго, нѣсколько самоувѣреннаго малаго, какихъ довольно много бываетъ на

бѣломъ свѣтѣ. Онъ, казалось, отдыхалъ отъ продолжительныхъ трудовъ, и тѣмъ простодушнѣе забавлялся разстилавшеюся передъ нимъ картиной, что мысли его были далеко, да и вращались онѣ, эти мысли, въ мірѣ, вовсе не похожемъ на то что его окружало въ этотъ мигъ. Онъ былъ Русскій; звали его Григоріемъ Михайловичемъ Литвиновымъ.

Намъ нужно съ нимъ познакомиться, и потому приходится разсказать въ короткихъ словахъ его прошедшее, весьма незатѣйливое и несложное.

Сынъ отставнаго служаки-чиновника изъ купеческаго рода, онъ воспитывался не въ городѣ, какъ слѣдовало ожидать, а въ деревнѣ. Мать его была дворянка, изъ институтъ, очень доброе и очень восторженное существо, не безъ характера однако. Будучи двадцатью годами моложе своего мужа, она его перевоспитала, насколько могла, перетщила его изъ чиновничьей колеи въ помѣщичью, укротила и смягчила его дюжій, терпкій нравъ. По ея милости онъ сталъ и одѣваться опрятно, и держаться прилично, и браниться бросилъ; сталъ уважать ученыхъ и ученость, хотя, конечно, ни одной книги въ руки не бралъ, и всячески старался не уронить себя: даже ходить сталъ тише и говорилъ разслабленнымъ голосомъ, все больше о предметахъ возвышенныхъ, что ему стоило трудовъ немалыхъ. «Эхъ! взялъ бы да выпоролъ!» думалъ онъ иногда про себя, а вслухъ произносилъ: «да, да, это .. конечно; это вопросъ». Домъ свой мать Литвинова также поставила на европейскую ногу; слугамъ говорила: «вы», и никому не позволяла за обѣдомъ наѣдаться до сопѣнія. Что же касается до имѣнія ей принадлежавшаго, то ни она сама, ни мужъ ея ничего съ нимъ сдѣлать не сумѣли: оно было давно запущено, но многоземельно, съ разными угодьями, лѣ-

сами и озеромъ, на которомъ когда-то стояла большая фабрика, заведенная ревностнымъ, но безалабернымъ барономъ, процвѣтавшая въ рукахъ плута-купца и окончательно погибшая подъ управленіемъ честнаго антрепренера изъ Нѣмцевъ. Госпожа Литвинова уже тѣмъ была довольна, что не разстроила своего состоянія и не надѣлала долговъ. Къ несчастью, здоровьемъ она похвалиться не могла и скончалась отъ чахотки въ самый годъ поступленія ея сына въ Московскій университетъ. Онъ не кончилъ курса, по обстоятельствамъ (читатель узнаетъ о нихъ въ послѣдствіи), и угодилъ въ провинцію, гдѣ потолокся нѣсколько времени безъ дѣла, безъ связей, почти безъ знакомыхъ. По милости нерасположенныхъ къ нему дворянъ его уѣзда, проникнутыхъ не столько западною теоріей о вредѣ «абсентізма», сколько доморощеннымъ убѣжденіемъ, что «своя рубашка къ тѣлу ближе», онъ въ 1855 году попалъ въ ополченіе и чуть не умеръ отъ тифа въ Крыму, гдѣ, не выдавъ ни одного «союзника», простоялъ шесть мѣсяцевъ въ землянкѣ на берегу Гнилаго моря; потомъ послужилъ по выборамъ, конечно не безъ непріятностей, и поживъ въ деревнѣ, приистрастился къ хозяйству. Онъ понималъ, что имѣніе его матери, плохо и вяло управляемое его одряхлѣвшимъ отцомъ, не давало и десятой доли тѣхъ доходовъ, которые могло бы давать, и что въ опытныхъ и знающихъ рукахъ оно превратилось бы въ золотое дно; но онъ также понималъ, что именно опыта и знанія ему не доставало — и онъ отправился за границу учиться агрономіи и технологіи, учиться съ азбуки. Четыре года слишкомъ провелъ онъ въ Мекленбургѣ, въ Силезіи, въ Карлсруэ, ѣздилъ въ Бельгію, въ Англію, трудился добросовѣстно, пріобрѣлъ познанія: не легко они ему давались, но онъ выдержалъ искусь до конца, и вотъ теперь, увѣренный въ самомъ себѣ, въ своей

будущности, въ пользу, которую онъ принесетъ своимъ землякамъ, пожалуй даже всему краю, онъ собирается возвратиться на родину, куда съ отчаянными заклинаніями и мольбами въ каждомъ письмѣ звалъ его отецъ, совершенно сбитый съ толку эманципаціей, разверстаніемъ угодій, выкупными сдѣлками, новыми порядками однимъ словомъ... Но зачѣмъ же онъ въ Баденъ?

А затѣмъ онъ въ Баденъ, что онъ со дня на день ожидаетъ пріѣзда туда своей троюродной сестры и невѣсты — Татьяны Петровны Шестовой. Онъ зналъ ее чуть не съ дѣтства и провелъ съ ней весну и лѣто въ Дрезденѣ, гдѣ она поселилась съ своею теткой. Онъ искренно любилъ, онъ глубоко уважалъ свою молодую родственницу, и окончивъ свою темную, приготовительную работу, собираясь вступить на новое поприще, начать дѣйствительную, некоронную службу, предложилъ ей, какъ любимой женщинѣ, какъ товарищу и другу, соединить свою жизнь съ его жизнью на радость и на горе, на трудъ и на отдыхъ, «for better for worse», какъ говорятъ Англичане. Она согласилась, и онъ отправился въ Карлсруэ, гдѣ у него оставались книги, вещи, бумаги... Но почему же онъ въ Баденъ, спросите вы опять?

А потому онъ въ Баденъ, что тетка Татьяны, ее воспитавшая, Капитолина Марковна Шестова, старая дѣвица 55 лѣтъ, добродушнѣйшая и честнѣйшая чудачка, свободная душа, вся горящая огнемъ самопожертвованія и самоотверженія, esprit fort (она Штрауса читала, — правда, тихонько отъ племянницы) и демократка, заклятая противница большаго свѣта и аристократіи, не могла устоять противъ соблазна хотя разочекъ взглянуть на самый этотъ большой свѣтъ въ такомъ модномъ мѣстѣ, каковъ Баденъ... Капитолина Марковна ходила безъ кринолина и стригла въ кру-